

Глава 4

«И нарек человек имена...»

Горбачев ждал. Но это вовсе не значит, что ожидание было пассивным.

В 1983 году Андропов привел в ЦК на должность заведующего Отделом оргпартрabоты первого секретаря Томского обкома Егора Кузьмича Лигачева. В том же году он был избран секретарем ЦК. Человек феноменально активный, жесткий, обладающий целеустремленностью, он стал незаменимым соратником и помощником исподволь выраставшего Горбачева. Честно говоря, я иногда удивлялся этой его напористости, которая оказалась чрезвычайно важной для становления и укрепления горбачевской команды.

Ведающий оргпартрabотой, то есть кадрами партии, Лигачев постепенно менял руководителей областных и краевых партийных организаций. Руководители обкомов и крайкомов были людьми в основном, как говорится, в возрасте, давно работавшими. Выводили пожилого человека на почетную персональную пенсию, сохраняли ему другие блага — квартиру, дачу казенную, — что тут криминального? Естественное дело. И нормальное, на мой взгляд, отношение к тем, кто не занимел ни капиталов, ни особняков, да и зарплата у них была более чем умеренной.

Эта система создавала уверенность в завтрашнем дне руководителей и в то же время была преградой для проникновения коррупции в партийный и государственный аппарат. Да, встречались и тогда взяточники, но это было исключением из правил. Сегодня коррупция, как ржавчина, разъедает все слои государственного аппарата. Думаю, что честный человек в этой среде нынче является исключением. И, как известно, дело не обходится только борзыми щенками.

Наверняка соратники Леонида Ильича роптали про себя, недовольные активными действиями Лигачева, но вслух

возразить повода не имели. Так постепенно создавалась в стране надежная опора Горбачева, его команда не только в Центре, но и на местах.

Что же касается хозяйственных кадров, производственников, то они в основном видели в Горбачеве некую надежду на ослабление административно-командного пресса. Сам-то я никого специально не агитировал: мол, поддерживайте Михаила Сергеевича, он человек прогрессивный. За него, как и за меня, наша повседневная и кропотливая работа по нахождению путей реформирования экономики тогда говорила. Поэтому в стране довольно быстро признали в Горбачеве партийного лидера.

Черненко умер в Кунцевской больнице 10 марта 1985 года в 19 часов 20 минут. День был воскресный, выходной, я что-то читал, ждал программу «Время», когда мне позвонили из ЦК и, сообщив о смерти Генсека, пригласили срочно прибыть в Кремль.

Когда я приехал, в небольшой комнате перед залом заседаний Политбюро уже находились взволнованные секретари ЦК — Долгих, Русаков, Капитонов, еще кто-то... Взволнованы они были не только фактом кончины Черненко, но и предстоящей повесткой Политбюро. Помню, кто-то спросил неуверенно: не слишком ли быстро собираемся, может, стоит хотя бы из приличия выждать денек? А кто-то ответил: нельзя терять ни минуты, надо такие вопросы решать с ходу...

Странная штука — человеческая память! Не могу вспомнить, кто вел этот разговор, но он прочно застрял в памяти, едва ли не дословно, потому что и вправду выражал общее психологическое состояние перед заседанием Политбюро. И тот, кто это сказал, имел в виду соотношение сил в Политбюро и Секретариате ЦК, но его опасения на этот раз оказались напрасными.

По ритуалу, с незапамятных времен принятому в Кремле, секретари ЦК и кандидаты в члены ПБ собирались в небольшой приемной перед залом заседаний. По его другую сторону располагалась так называемая Ореховая комната. Там и впрямь стояла орехового дерева мебель. Она разделяла зал заседаний и кабинет Генсека. В ней собирались члены Политбюро, туда являлся и Генеральный: то за минуту до назначенного срока, то за десять—пятнадцать минут, если хотел заранее обсудить что-то с ближайшими соратниками. В назначенный час он входил в зал заседаний во главе команды из членов ПБ. Мы, люди второй и третьей сту-

пенек, уже были в зале, и две «команды» вежливо здоровались за руку — каждый с каждым, как футболисты на поле перед игрой. Смешновато, наверное, со стороны это выглядело...

Так было и в этот раз. Первым из Ореховой комнаты стремительно вышел Горбачев. Он и занял место председателя, он и начал заседание. На часах значилось, если это небезразлично историкам, 22.00. Довольно быстро составили комиссию по организации похорон Черненко. Возглавил ее Горбачев — возражений не последовало. По неписаной традиции тот, кто возглавляет такую комиссию, автоматически становится Генеральным. Оговорили место захоронения — в землю за Мавзолеем, дату и время — в среду, в 13.00. Место для прощания с покойным — Дом Союзов, естественно.

Потом встал Громыко и предложил кандидатуру Горбачева на пост Генерального секретаря. Это была, считаю, важная личная победа Е. К. Лигачева, заранее обговорившего все варианты едва ли не со всеми, кому предстояло поднять руку «за» или «против» нового лидера. Хотя — нет, не со всеми. Со мной он никаких бесед не вел, да и зачем, в самом деле: меня-то ни в чем убеждать не надо было.

Громыко, едва ли не самый старый член «гвардии» Брежнева (да что там — и Хрущева, и даже Сталина!), открыто и безоговорочно выступил на стороне молодой команды и ее лидера. Я уже говорил, что он откровенно симпатизировал лично Горбачеву, нам всем. Но ему, дипломату, человеку осторожному, было нелегко рвать тесные узы со своими старыми соратниками. И при этом не просто поддержать на Политбюро эту кандидатуру, но и самому назвать.

Не исключая, что именно выступление Громыко и предприняло предельно спокойный ход заседания: никто из «стариков» даже слова против не сказал. Впрочем, двоих и не было: Кунаев не успел прилететь из Алма-Аты, Щербицкий не ко времени застрял в Америке. Их отсутствие вежливо учли: назначили повторное заседание ПБ — перед Пленумом, который состоялся на следующий день, в понедельник. К слову, Щербицкий и на него не поспел. В последующие годы по этому поводу немало исписали бумаги. Не думаю, что все это было сделано преднамеренно. В той обстановке даже возражение Щербицкого, если бы оно прозвучало, не могло изменить положение.

Еще раз повторяю: никакой борьбы не было, хотя нынче

многие мемуаристы склонны представлять назначение Горбачева как некий революционный акт, ставший следствием ожесточенной политической борьбы. Я же свидетельствую: выборы Генсека прошли совершенно спокойно. Предрешены они были.

Слово сказано: «предрешены». В связи с этим вспоминается яростное выступление Егора Кузьмича на XIX партийной конференции летом 88-го с его анекдотически знаменитым: «Борис, ты не прав!» Меня не волнует правота или неправота Ельцина в тот момент. В очередной раз свердловско-московскому партийному функционеру создавался ореол мученика. Но меня до сих пор удивляют такие слова Лигачева о двух днях выборов Горбачева Генсеком:

«Надо сказать всю правду: это были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность.

Хочу вам сказать, что благодаря твердо занятой позиции членов Политбюро товарищей Чебрикова, Соломенцева и Громыко и большой группы секретарей обкомов на мартовском Пленуме ЦК было принято единственно правильное решение».

А я и сейчас абсолютно убежден: никаких других решений и быть не могло, никакой реальной опасности не существовало! Да, Чебриков, Соломенцев и Громыко твердо заняли свою позицию — и в этом прав Лигачев. Но их было всего трое, а рядом с ними сидели Гришин и Романов, Тихонов и (на повторном заседании) Кунаев, у которых, надо полагать, была своя позиция, весьма от нашей отличная. Но в том-то все и дело, что ничего они уже не могли предпринять. Только молчать и соглашаться. В чем, в чем, а в дворцовой мудрости им отказать было нельзя. Они поняли, что их время безвозвратно ушло.

Победа Горбачева не стала спонтанной. Нет, это была четко подготовленная акция, которая имела две мощные опоры. Во-первых, уже весьма значительное влияние новых партийных кадров в краях и областях. Достаточно сказать, что, начиная с 83 года, в течение нескольких лет было заменено около 90 процентов секретарей обкомов и ЦК компартий союзных республик. И это учитывала здравомыслящая часть брежневской «гвардии». Во-вторых, вера в ожидаемые экономические реформы, понимание необходимости перехода к современному хозяйственному мышлению, невозможности вернуть экономику на старые, заезженные рельсы. Все это явилось естественным следствием разраба-

тываемой в последние годы новой экономической политики, напрямую связываемой с цепочкой Андропов—Горбачев—Рыжков.

Так что — никаких неожиданностей. Правда, Горбачев на Конференции сам поддержал Лигачева, сказав даже, что был, дескать, подготовлен альтернативный кандидат. Если и был, то держался в такой страшной тайне, что и краешка ее никто не приоткрыл... Нет, думаю, Горбачеву просто-напросто хотелось задним числом представить, что он провалился в генсеки с боями, в борениях и муках.

Мартовский Пленум, единогласно избравший Горбачева Генеральным секретарем партии, стал естественным и не вызывающим никакого удивления стартом к мощному укреплению команды Горбачева непосредственно в Политбюро. Опять-таки забегая вперед, замечу, что апрельский Пленум 85 года избрал нас с Лигачевым членами Политбюро, минуя ступень кандидатства. Июльский сделал членом Политбюро Шеварднадзе, а секретарями ЦК — Ельцина и Зайкова и вывел из состава ПБ Романова. Октябрьский отправил на пенсию Тихонова, а февральский 86-го — Гришина.

Внеочередной Пленум для избрания Генсека был назначен на 17 часов 11 марта. Меньше суток прошло с момента смерти Черненко, а уже начали прилетать в Москву и являться на Старую площадь члены ЦК, секретари крайкомов и обкомов, ночью вызванные неутомимым Лигачевым. Тогда, в марте, в своей «тронной» речи Горбачев пока еще в общих словах, но достаточно ясно подтвердил жизнестойкость того курса, который был начат андроповской, а потом, при Черненко, продолжен уже горбачевской командой. Он сказал и об ускорении социально-экономического развития страны. О совершенствовании системы экономических отношений и системы управления народным хозяйством и о научно-техническом прогрессе. О развитии демократии, о повышении роли Советов. Короткой была речь, но емкой.

Сумеречное время закончилось!

Несомненно, Горбачев воспринял свое избрание как должное. Он никого не видел на посту Генсека, кроме себя, и был, конечно же, прав. Я, например, тоже никого иного в то время не видел на этом месте. Другое дело, что внешние атрибуты власти всегда радовали Горбачева, я уже говорил об этом, он любил и умел быть первым. Телевидение впоследствии многократно и подробно показывало всем и каждому эту черту его характера.

Старая истина: короля играет свита. У Брежнева так и было: свита даже вовсе переигрывала — то ли режиссеры у них были так себе, то ли актеры элементарным талантом не обладали. Горбачев же тогда играл себя сам и делал это вкусно, обильно и до поры с достаточным тактом. Это потом, позже, он начнет повторяться, заученно произносить одни и те же слова-заклинания, порой не умея даже завершить начатой мысли и вызывая недоуменное недоверие все еще ожидающих чуда зрителей. Но это будет еще не скоро, а тогда, в марте, он ощущал себя счастливым и вдохновенным избранником судьбы.

А «свита» Горбачева к телекамерам не рвалась. Она просто и незаметно работала. Кто как умел. Надо отдать должное Горбачеву: он всегда окружал себя теми людьми, которые были ему необходимы именно в данный отрезок времени. Тогда, в полном надежд 85-м, ему требовались думающие, не страшящиеся перемен.

Но одновременно в этом человеке жило дьявольское свойство предавать. Это свойство, на мой взгляд, является органической частью его натуры. Он предавал не только идеалы, во имя которых мы пошли за ним, верили ему, кстати, как и весь народ в то время, но он по-иезуитски предавал своих соратников. Наступал час — и он выбрасывал их, как отработанный материал.

Все соратники «раннего» Горбачева через несколько лет один за другим были устранены им с партийной или государственной арены. Все они уходили с различными политическими ярлыками. Благо в его ближайшем окружении были люди, умеющие их навешивать. Генсеку же продлялось историческое время — как оказалось, для ликвидации партии, разрушения страны и для устранения деятелей, противостоящих таким целям и действиям.

Через несколько дней после похорон Черненко мы собрались на первое — теперь уже официально горбачевское! — Политбюро. Он и вел его по-хозяйски, весомо говорил о самых первостепенных для страны задачах. А ими в этот момент были: финиш одиннадцатой пятилетки и планы следующей, необходимость подготовки к очередному Съезду в 1986 году (Устав партии требовал проводить их раз в пять лет).

Решили вынести на Съезд обсуждение новой редакции Программы КПСС, над которой, как я уже говорил, работали еще при Черненко.

Вторым традиционным для съездов вопросом должно было стать рассмотрение и утверждение основных направлений

развития экономики страны в наступающей пятилетке и до конца века.

На Политбюро ключевым вопросом вновь было названо в экономике ускорение научно-технического прогресса. Ключевым и неотложным.

Все шло так, как и предполагалось. Тогда уверен был: впереди — огромная, плодотворная работа, и, главное, — с единомышленниками.

В итоге постановили: провести очередной Пленум ЦК на тему «О созыве XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой». Назначили Пленум на 23 апреля.

Если вы не забыли, еще в 84-м, при Черненко, тоже на заседании ПБ, когда обсуждали работу нашей Комиссии по НТП, был назначен день Пленума, посвященного научно-техническому прогрессу, и день этот был 23 апреля.

Работа Комиссии, повторю, в последнее время была резко свернута. Экономический отдел все больше занимался текущими делами, отложив проблемы НТП на будущее. С приходом Горбачева на пост номер один я воспрянул духом, перечитал подготовленные к Политбюро документы Отдела и Комиссии, чтобы идти с этими материалами к Генеральному. И с изумлением обнаружил некое мистическое совпадение дат. В мистику я верю слабо и поэтому решил: совпадение — случайное, но небезобидное для дела, которым мы так много и упорно занимались.

Я не без горечи спросил Горбачева:

— Выходит, вопросы НТП побоку?

— Почему побоку? — искренне удивился он. — Это очень важно, очень. Но надо чуть-чуть отложить. Время требует определиться со Съездом, решить вопросы стратегические. А потом и к НТП вернемся.

«Время требует»... Много раз я буду слышать эту sacramентальную фразу. Много раз она будет убивать надежду и само дело, которому я служил.

Впрочем, в тот раз я отлично понял Горбачева: время и вправду требовало обозначить линию жизни страны на долгие годы вперед. И не только время — люди тоже. Страна устала хоронить своих вождей, верила, что новый лидер пришел всерьез и надолго, и хотела знать, чего от него можно ждать.

Несмотря на развернувшуюся подготовку к предстоящему Пленуму, тема НТП была реанимирована, и деятельность рабочей группы оживилась. Уже в марте мы с Генсеком

провели очередное совещание с учеными-экономистами, а в начале апреля — с производственниками.

На этих встречах вновь вернулись к тому, о чем говорили и при Черненко: к критике излишней централизации в экономике, к необходимости перераспределения прав и обязанностей Центра и республик, делению РСФСР на крупные экономические районы, продуктивной работе академических и ведомственных научно-исследовательских институтов. Даже к таким «крамольным» вопросам обратились, как необходимость конкуренции на рынке, торговля средствами производства, порочность затратного метода при формировании ценовой политики и так далее.

Казалось бы, тот же кабинет в ЦК, практически те же люди, а атмосфера на совещаниях резко изменилась: разговаривались куда свободнее, нежели раньше. Почему? Да потому, что сам приход Горбачева к руководству партией, а в то время это значило — и страной, уже был символом прогрессивных перемен, зарождал надежды на них, на преобразование жизни общества. И люди, почувствовав это, стали освобождаться от самого страшного цензора — того, кто сидел в каждом из нас, кого, как эстафетную палочку, поколения передавали друг другу.

Это и не удивительно. Ведь в России власть всегда для защиты своих интересов пользовалась мощной броней цензуры. Она была введена при Петре Первом, и прошедшие с тех пор столетия сделали свое дело. Как мы все радовались постепенному высвобождению из-под гнета тотального, по существу, контроля над мыслями! Однако вскоре пришлось убедиться в том, что формы такого контроля, подавления свободомыслия могут быть далеко не только административными. Ведь сегодня нет официального цензурного органа — он закончил свое существование 1 августа 1990 года. Нет, казалось бы, обязательных для всех идеологических догм. Но сегодня цензура вновь процветает на телевидении, радио, в печати. Только цензурные методы другие: давят инакомыслие экономически, не дают слово оппонентам и всячески поощряют восхваляющих сильных мира сего.

Доклад к апрельскому Пленуму Горбачев писал сам. То есть не без помощи референтуры, конечно, не без запроса материалов из разных мест, в том числе и из Экономического отдела ЦК. Но — сам. Сам диктовал, сам правил, сам перекраивал. В итоге доклад получился, я бы сказал, обобщающим и революционным. Почему революционным — об этом и без меня тома написаны. Почему обоб-

щающим — да потому, что все, уместившееся в докладе, было не раз до того проговорено и взвешено, а здесь лишь собрано воедино и представлено подробно и убедительно.

Горбачев не скрыл, что начинать придется вовсе не с нуля, что активная работа ЦК по разработке программы улучшения, оздоровления обстановки в стране стартовала еще в 1983 году. Что сделано пока слишком мало. Он подробно перечислил основные линии, по которым придется идти стране в ближайшие и последующие годы.

Сегодня апрельский Пленум называют началом перестройки. Я поправил бы: официально декларированной перестройки, ибо начало ей положил, повторяю, Андропов. Он никак не «обзывал» свои первые реформы, и готовились они без шума и треска.

Но вот что интересно. На самом Пленуме и некоторое время после него Горбачев не слишком часто прибегал к этому ныне всемирно затверженному термину. В докладе он употребил его лишь в применении к хозяйственному механизму: мол, яснее стала концепция его перестройки. В мас, в выступлении перед активом Ленинградской партийной организации, он высказался более расширительно: «Видимо, всем нам надо перестраиваться, всем... Всем надо осваивать новые подходы и понять, что другого пути у нас нет».

Позже он к этому возвращался постоянно. Выражение «другого пути у нас нет» постепенно превратилось в безапелляционный лозунг: «Перестройке альтернативы нет!» И в общем-то это правильно: общество созрело для обновления, глубоких реформ. Но в политике нередко бывает, что верная в целом формула разными общественными силами наполняется далеко не одинаковым содержанием, а главное, возведенная в некий абсолют, она становится порой даже препятствием для поиска каких-либо альтернативных путей развития. Как часто мы забываем истину жизни: в прошлом у нас только единственный путь, который мы уже прошли, впереди же много дорог, по которым можно пройти!

Увы, во все времена и эпохи в нашей державе громкие слова, которым никто никогда не знал меры, мешали любому настоящему делу. Перестройка не стала здесь исключением. Ее заболтали, а потом и предали. Кто по глупости, а кто сознательно — будущее рассудит.

История предательства перестройки, всеобщий духовный подъем народа, а потом его горькое разочарование должны стать уроком для нынешних и будущих поколений. Хотя сегодняшние власти не сделали выводов: они повторяют

ошибки прошлого и добавляют к ним свои, еще более тягостные по последствиям.

Ну, да дело не в терминах. То, что мы последовательно и не без успеха делали с 83 года, просто-напросто обрело официальное имя. Сегодня и я не возьмусь сказать, Горбачев ли сам или какой-нибудь безвестный журналист назвал наше дело «перестройкой». А может быть, он нашел это еще в материалах XXV съезда (проходившего в 76 году), где уже тогда была поставлена задача «ускорить перестройку хозяйственного механизма»? Разве дело в авторстве? Сказано в Первой Книге Моисеевой: «И нарек человек имсн...» Вот так: человек... И нареченное слово покатилося.

Назначенный при Черненко Пленум ЦК по вопросам ускорения НТП так и не родился. Но Горбачев в апрельском докладе уже объявил о предстоящем в июне совещании по этому вопросу. Сама тема НТП присутствовала почти во всех публичных выступлениях нового Генерального.

Готовились к назначенному совещанию мы дни и ночи, поскольку времени оставалось почти ничего. Но почему все-таки совещание, а не очередной Пленум? Полагаю, Горбачеву не хотелось слишком срочно, всего через полтора месяца проводить новый Пленум, чтобы не смазать тот громкий политический резонанс, который вызвал апрельский Пленум и у нас в стране, и за ее границами.

Там-то к Горбачеву присматривались еще с его поездки с супругой в Великобританию в роли второго человека в КПСС. Именно тогда Тэтчер заявила на весь мир, что с ним можно и стоит иметь дело. Трудно сейчас сказать, что это было — какое-то мгновенное озарение или хорошо подготовленное паблисити на фоне безнадежно больного, умирающего Черненко.

В большой политике случайных действий не бывает. Уж как-то близко связаны поездка будущего Генсека в 83 году в Канаду, где, как известно, был послом Александр Яковлев, который, по его словам, именно там предложил Горбачеву идею перестройки, и поездка в 84 году в туманный Альбион. Апрельским Пленумом Горбачев полностью оправдывал авансовую характеристику скупой на похвалу «железной леди»...

Меня лично изменение статуса рассмотрения вопроса НТП мало беспокоило, я за формой не гнался. Может быть, даже совещание в данном случае имело больше преимуществ перед Пленумом. Ведь в нем, в совещании, все равно участвовали все члены ПБ, кандидаты, Секретари и члены

ЦК, но кроме того — ученые, производственники, партийные руководители республиканского, краевого, областного и даже городского масштабов, передовые рабочие и колхозники. То есть совещание в ЦК КПСС давало возможность именно широкого участия специалистов.

Доклад Горбачева на совещании мы готовили вдвоем. Буквально. Разве что девочка-стенографистка, безропотно сносящая наш изнурительный темп работы, здорово помогала. А работали и впрямь самозабвенно. Запирались в кабинете Горбачева, на обед порой не отлучались. Сидели с утра до ночи, а вернее, ходили и даже ползали, поскольку множество материалов — документы, справки, статьи, записки, заранее собранные отовсюду, не умещались на длинном столе для заседаний. Мы раскладывали их на полу и действительно ползали между ними, отыскивая нужную идею, формулу, цифру.

Не стану пересказывать содержание доклада. Он подробно и точно подытожил и обобщил нашу работу и наши замыслы, как говорится, расставил ориентиры. По сути, мы написали долгосрочную программу именно ускорения НТП, на базе которого только и возможно ускорение социально-экономического развития страны.

Термин «ускорение» еще не исчез из перестроечного лексикона, но и применялся пока не расширительно. Горбачев снова упомянул перестройку в области «всего хозяйственного механизма» и привел цитату из Ленина. Я не принадлежу к нынешним «неореволюционерам», которые стараются поскорее забыть, что когда-то сами к месту и не к месту ссылались на опального ныне вождя, и поэтому повторяю се: «Вылезем, ибо не приукрашиваем своего положения. Знаем все трудности. Видим все болезни. Лечим их систематически, упорно, не впадая в панику».

Согласитесь, толковые слова! Хотел бы выделить одно из них — «систематически», ибо именно оно никогда не воплощалось в нашей вечно авральной социалистической реальности. Когда я слушал Горбачева, а до того — раньше, когда мы эту цитату в доклад вставляли, радуясь ее точности и актуальности, то думал: неужто пришло, наконец, время, которое даст нам возможность быть систематичными, не менять «генеральной линии» в угоду сиюминутным прихотям вождей?..

Одно маленькое отступление. Оно, как вы заметили, не первое, но и далеко не последнее... Отступление о терминологии.

До того как я пришел по «андроповскому призыву» на работу в ЦК, я и не подозревал о существовании эзопова языка партийных документов (среди работников партийного и государственного аппаратов было много специалистов по составлению и прочтению этих документов, шифровке и расшифровке подспудных мыслей). И на этот раз, хотя доклад был о научно-техническом прогрессе, без этого условного языка не обошлось. Вот один из примеров. Для расчистки общественной атмосферы нужно было ликвидировать зоны, традиционно свободные от критики. А первой такой зоной была Москва, во главе которой стоял Виктор Васильевич Гришин. Политически его дни были сочтены. Звезда же ленинградского партийного лидера Льва Николаевича Зайкова, наоборот, восходила. Горбачев только-только вернулся из Ленинграда, куда он после своего избрания отправился прежде всего.

Читаем в докладе: «Центральный Комитет возлагает большие надежды на рабочий класс, интеллигенцию Москвы, мощный научно-производственный потенциал столицы. Хотелось бы еще раз поддержать большую работу, которую ведет Ленинградская партийная организация». Чувствуете разницу? В Москве — только надежды и остались. В Ленинграде — большая работа, которую возглавляет Зайков. Через полмесяца он стал секретарем ЦК. Через полгода Гришин отправился на пенсию...

И еще. Если я не ошибаюсь, именно после совещания по НТП в публицистике впервые появился абсолютно новый термин — «человеческий фактор». Говоря о партийной работе, Горбачев на этом совещании отметил, что она имеет дело с решающим фактором всех перемен — человеческим. А потом эти два слова, вырванные из контекста, были кем-то поставлены рядом, стали употребляться к месту и не к месту и превратились в формулу, при которой человек куда-то исчез, а его место занял некий безлико-оскорбительный «человеческий фактор».

Продолжу, однако, рассказ о главном. Итак, Политбюро обсудило и одобрило итоги совещания, которое продолжалось два дня, и поручило всем заинтересованным государственным органам учесть высказанные там конкретные предложения в готовящемся пятилетнем плане. Было отмечено, что нужна корректировка существующего хозяйственного механизма, который отторгает научно-технические достижения. Кадровые же вопросы ЦК должен держать в своих руках. В общем, это был вполне разумный, реальный

план действий, нацеленных на терпеливое создание условий для развития НТП.

Безусловно, для более динамичного социально-экономического развития страны НТП имел решающее значение. Но нужно было найти катализатор, ускоритель научно-технического прогресса. Например, в начале века им стал автомобиль: он создал дороги, качественную металлургию, резиновую, лакокрасочную промышленность и т. д. Наш катализатор тоже должен был дать толчок НТП во всех отраслях народного хозяйства — металлургии, химии, кибернетике, агропромышленном комплексе и т. д. В современных условиях такую роль призвано было выполнять гражданское машиностроение.

В реализацию этой идеи активно включился Отдел машиностроения ЦК. Руководителем этого Отдела в то время был Аркадий Иванович Вольский. После моего избрания членом Политбюро в апреле 85 года и освобождения Григория Васильевича Романова от обязанностей Секретаря ЦК и члена ПБ этот Отдел стал подчиняться мне. Вместе с машиностроительными министерствами и аппаратом Совмина он срочно готовил постановление по развитию машиностроения. В августе оно уже было принято.

Гражданское машиностроение в стране влачило существование, мало сказать, жалкое. Не было крепкой интеллектуальной базы — ни научной, ни экспериментальной. Хотя рядом был военно-промышленный комплекс (ВПК), в котором все это имелось. Но загляните в доклад Генерального на апрельском Пленуме: там ни слова о сокращении вооружений, тем более о конверсии. Там Соединенные Штаты — еще главный враг. Так что ВПК пока без работы не оставался, и гражданское машиностроение должно было выкарабкиваться из ямы само, так как сколько-нибудь серьезного механизма применения достижений военной промышленности в машиностроении для мирных нужд не существовало.

В общем, мы ориентировались на гражданское машиностроение, и решение это по сей день ошибочным не считаю. Ошибка была в ином. На пятилетку предусматривалось увеличение капитальных вложений в машиностроение в 1,8 раза. Цифра огромная. Но в стартовом энтузиазме не учли, что отрасль реально не переварит таких денег, говоря казенным языком, не освоит, что в итоге и произошло. Существенная их часть ушла на другие нужды нашей необъятной и ненасытной экономики.

К сожалению, и в те времена аппарат управления грешил радикализмом. Делать, так делать! «Время требует!» слишком часто ставилось на вооружение. Правда, тогдашний радикализм не идет ни в какое сравнение с нынешним.

Было бы наивно отрицать, что именно военно-промышленный комплекс являлся для меня и моих соратников образцом масштабного применения научных достижений. Я прекрасно понимал, что действующая здесь система впитывания новшеств существенно отличается от гражданских отраслей и в первую очередь машиностроения. В этом комплексе был свой экономический механизм, широко применялись и моральные поощрения — ордена, Государственные и Ленинские премии, ученые степени и академические звания. Но в основном все держалось на прочной дисциплине, высокой требовательности и ответственности. Жесткая связка заказчик—исполнитель, их деловая взаимосвязь являлась движущей силой. Вот этого и не хватало гражданскому машиностроению, где к тому же экономический механизм был не отработан и малоэффективен. И задача состояла в том, чтобы найти эффективные пути перелива научно-технических достижений ВПК в мирные отрасли машиностроения и тем самым поднять их на новый уровень.

В своей практической работе я стремился в максимальной степени привлекать в гражданские отрасли специалистов и руководителей из ВПК. В 1989 году только что избранные народные депутаты, еще не остывшие от уличных митингов и опьяненные победой, при формировании Правительства постоянно бросали мне упреки в стремлении широко использовать в народном хозяйстве кадры военно-промышленного комплекса. Трудно им было объяснить, что надо рачительно относиться к интеллектуальному потенциалу этого комплекса, который создавался многие годы ценой лишений народа. Откуда такая неприязнь к созданному своими же руками? Откуда такая слепота? А то, что за этими воплями и криками в адрес ВПК и Армии стояли люди, целью которых было разрушить все крепкое и сильное в стране, для меня и тогда не было сомнений, и сейчас нет.

Да, ВПК СССР — это крупный сектор экономики, технологический уровень которого или соответствовал, или был выше, чем в других развитых странах. Он представлял собой своеобразное ядро высоких технологий. Только в его научном обеспечении в 1990 году участвовало 1 миллион 680 тысяч ученых и специалистов. Многие их разработки были на высочайшем научном и техническом уровне. Мы

старались использовать это в гражданских целях. Например, при осуществлении проекта «Энергия» — «Буран» новейших технологий и материалов оказалось шестьсот. Экономические происки, начатые Гайдаром—Ельциным в январе 1992 года, ударили прежде всего по ВПК. И сейчас, когда я пишу эти строки, из науки ВПК ушло 500 тыс. человек, то есть третья часть. Затраты на опытно-конструкторские работы уменьшились в этом комплексе за три года в его военном секторе — в 8,5 раза, а в гражданском — в 5 раз. И мне трудно отделаться от мысли, что разгром ВПК, совершенный нынешними властями, стал одним из самых драматических ударов не только по военной, но и по всей экономической (а с ней и политической) мощи некогда великого государства.

Каждый этап нашей жизни обязательно сопровождался звучными и хлесткими фразами-лозунгами. Горбачевские: «время требует»; «иного не дано»; «другого пути просто нет» и т. д. Ельцинские: «необратимость реформы»; «альтернативы этому просто нет» и прочие. Я не анализирую существо и корректность этих лозунгов. Подобные лозунги имеют главным образом популистский характер. Но беда в том, что они имеют свойство из абстрактного призыва превращаться в конце концов в реальную и далеко небезопасную политику.

В том, уже далеком 85 году смысл термина «ускорение» стремительно расширялся. Снежный ком двинулся по склону.

В июле новый Генсек улетел в Днепропетровск: эйфория ленинградского триумфа требовала повторения. Ведь Украина по экономической мощи была второй после России республикой, со своими особенностями, с авторитетным руководством. Но там произошло то, чего я очень сильно опасался, зная характер Горбачева. Моя тревога оправдалась, когда я прочитал его речь на встрече с коллективом Днепропетровского металлургического завода. Вот что, в частности, говорил он: «Мы тщательно обдумываем все вопросы, связанные с перспективами развития страны». Абсолютно верно, но в том же выступлении он неожиданно перечислил приоритетные для ускорения направления: кроме машиностроения были названы еще биотехнология, металлургия, химия и другие отрасли, связанные с ними. Недоумение было большое. Только месяц назад оговорили, что надо дать приоритет машиностроению, и вдруг целая гирлянда новых приоритетов. Кто постарался? Маловероятно, чтобы здесь обошлось без помощников, лоббирующих определенные сферы экономики, руководителей мини-

стерств и республики. Ведь Украина имеет большую металлургию, химию. Почему не воспользоваться приездом нового и восторженного лидера? К сожалению, это было только начало.

Для меня такой перечень был подобен землетрясению, во всяком случае, почва под ногами ощутимо колебалась. Ведь план пятилетки еще составлялся, разумные головы пытались сверстать нечто удобоисполнимое, способное к поступательному движению. История, однако, на этом не закончилась. В сентябре Горбачев прилетел в Западную Сибирь, и оттуда пришла новая весть — о приоритетном комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири.

Прошло всего лишь несколько месяцев, а посчитайте, сколько раз пополнялся за этот срок перечень приоритетных направлений развития народного хозяйства. При этом не надо забывать: главным партийно-государственным приоритетом, на который никто и не посягал, был военно-промышленный комплекс. Да и аграрный сектор еще в 82 году тоже получил, при помощи Горбачева — Секретаря ЦК по сельскому хозяйству, большой приоритет. Формула того времени «Оборона и хлеб» была на вооружении партии и Правительства.

Действительно, состояние народного хозяйства страны можно было легко описать поговоркой: куда ни кинь — всюду клин. И в металлургии полно проблем, и в добыче нефти, и электроника требовала подпитки, и химия — да что угодно назовите, не ошибетесь. Но мы, знающие реальное положение в экономике, прекрасно понимали, что решить сразу, в один присест, все проблемы всех отраслей невозможно. Нет для этого ни материальной и финансовой базы, ни научной и экспериментальной, сил у государства просто нет. Да и сам механизм экономики тяжел и инерционен, пока руль повернешь — большую дугу сделаешь. А ее хотят развернуть сразу! Надо было дать приоритет ограниченному кругу проблем, а те, в свою очередь, подтянут несколько и другие отрасли. Но, к сожалению, усиленно строились воздушные замки. Невыполнимые планы и несбыточные мечтания побеждали здравый смысл.

Казалось бы, можно было сделать выводы из этого опыта. Но, как говорится, все возвращается на круги своя. В то время я еще не подозревал, что всего через пять лет буду взывать к народным депутатам, объясняя нереальность, фантастичность программы «500 дней». И что тогда меня про-

сто-напросто в очередной раз окрестят консерватором. Забавно, но примерно теми же эпитетами, разве что в более дружеском тоне, меня награждали товарищи по горбачевскому Политбюро. Я чуть не умолял их оставить на первое время, на пятилетку хотя бы, два, ну три, но не больше приоритетных направлений. Где там! Аргумент «Время требует!» был, на взгляд моих коллег, неотразимым. И еще: ты, мол, не понимаешь важности момента...

Какого момента? Почему именно он важнее всех других?

Я действительно кое-чего не понимал и не принимал.

Да, считал я, лидер партии должен быть уважаем народом. Но все ли средства хороши, чтобы стать еще и любимым? Увы, микроб популизма поражает многих. Нет против него вакцины, нет противоядия, кроме собственных разума и совести. Но ведь и то, и другое в наши дни становится все более дефицитным. Вот и Ельцин в дни президентской гонки в России ездил по краям и областям и обещал, обещал... Цены — не поднимать, жизненный уровень — не понижать. Суверенитета? — «сколько проглотите». Шахтерам — райскую жизнь. Только проголосуйте!! Стоит ли дальше перечислять?

Но переживать за наших демагогов не стоит. Они переняли у своих зарубежных учителей главный принцип политического успеха: до выборов обещай избирателям все, что они хотят, после выборов без всякого душевного волнения и угрызений совести забудь об обещаниях. Ну, ладно, уж грешили бы этим желающие пробиться в депутаты, с них и спрос такой — мало кто верит их клятвам. Но лидеры, которые налево и направо раздают обещания к очередному сроку стабилизировать экономику, повысить жизненный уровень, лично возглавить борьбу с захватившей всю страну преступностью... Видимо, они думают, что народ совсем потерял память и разум.

Вернемся, однако, в прошлое. Еще не утвержденный пятилетний план трещал по швам, борьба приоритетов наносила сокрушительные удары по нему. Ускорение в первоначальном его понимании, связанном с социальной сферой, теряло смысл и превращалось в трескучую, пустую фразу. Я часто задавал себе вопрос: вдруг я действительно не понимаю высоких и благородных помыслов нашего лидера и других политиков? Но, думал я, ведь не можем же все мы, кто тоже видит нереальность выдвигаемых лозунгов, бессмысленность, пустопорожность происходящего, так ошибаться? Нет, неладно что-то было в нашем «королевстве Датском»...